

Самое жаркое лето с 1963-го

"Лучше провести жизнь на ногах, чем умереть на коленях."

Поговорка

"Самурай пользуется зубочисткой, даже если он ничего не ел."

Хагакурэ

Жара. Сезон дождей совершенно не был дождливым. Но он был горячим. Было больше похоже на парниковый сезон. В Фуджи Хайтс с помпой вернулись тараканы, один даже проехался до додзё, спрятавшись в моей сумке. Он сбежал из моего шкафчика и промчался по полу раздевалки прямо перед глазами Стефана Отто. Тот проорал баварское ругательство и категорически запретил нам приносить еду в раздевалки. Затем, без сомнения о справедливости, осмотрел душевые комнаты и обнаружил растущую на стенах плесень. Это было плохим началом дня, ведь за уборку душевых несли ответственность мы с Адамом. Нас перевели туда с туалетных обязанностей с прибытием полицейских. Душевые были приятнее, чем уборка после коллективного испражнения в додзё, но мы стали не столь обязательными в отмывании стен душевых во время холодной погоды. В парниковый период черные пятнышки грибка проявились в течение тридцати шести часов. Мы стали экспертами по использованию всяческих порошков и отбеливающих веществ для избавления от настенной заразы. Щелочной чистящий порошок жег мои босые ноги, пока я стоял, потел и драя кабинку – и еще не было 8 утра.

Крейг все еще не вернулся из Австралии. Обитатели чайной комнаты растащили стопу газет, журналов, словарей и пенал для ручек с его полки. Я спер его линейку, которую можно была с пользой применить для создания Книги Шикоку – общественного дневника, куда записывалось каждое из наших занятий. От Крейга не было слышно ни слова. Возможно он сдрейфил. Растаскивание его добра означало, что теперь он неофициально был признан невозвращенцем.

Мы меняли партнеров. В этом деле не было выбора. Мне в партнеры был дан Маленький Ник, "армянин". Я думал, что это будет "хорошо для моего айкидо". Я еще не осознавал, что пожалею о том дне, когда потерял Рэма в качестве партнера до конца курса.

Маленький Ник был невысоким и крепко сложенным. У него были немигающие черные глаза убийцы, в которых отсутствовал всяческий блеск. Ему было девятнадцать лет и в драке он был жестким как гвоздь, но когда он возвращался в гайдзиновский дом, где он снимал угол, он сильно тосковал по маминой стряпне и спал двенадцать часов в день, пребывая в затяннувшейся ностальгической депрессии. Он недавно нанял "толстых братьев" – двух толстых канадских мальчишек, которые были на каникулах в Японии. Он помыкал ими и заставил их вломиться в соседнюю школу вместе с ним, чтобы плавать там каждую ночь.

Одержимый айкидо с тех пор, как он увидел Канчо-сенсея в канадском турне в 1990 году, Маленький Ник сделал Мастарда своим кумиром, который ответил на почесть. "Ник сдаст мне", – говорил Мастард, потягивая светлое пиво на вечеринке по случаю дня рождения Пола. "Нет", – протестовал я. Я начинал познавать скрытое искусство подхалимажа, но мне нужно было больше практики. Никто не мог опередить Бешенного Пса по этой части. Наблюдая за демонстрацией техники учителем, он небрежно сползал на одну сторону и лаял хриплым хохотом над абсолютной невозможностью всего увиденного. Иногда он шлепал себя по бедру, чтобы подчеркнуть насколько продвинутым был учитель и насколько низким был он. Тренируясь со мной, добрые и покровительственные советы били через край.

По окончании одного из занятий моё доги было насквозь мокрым и непригодным для носки. Только Рэм одевал то же самое доги в течении трех занятий и даже дней подряд. Учителя выражали недовольство нашим классом, говоря нам, что мы воняем. Доги Рэма было подозрительно серого цвета. Стоя в линии для шинкоку, ежедневном построении при полном внимании с поклонами и выкрикиваемыми командами, которое проводилось вне офиса додзё, мы всей группой показывали пальцем на Рэма. На его лице отражались ущемленная гордость и протест – он искренне не знал, что вонял до самых небес. Я дал ему другое доги, часть коллекции спасенной от предназначения быть выброшенной, совершенно подлинное

доги Жака Пайета, куртка и брюки, с вышитым азбукой катакана "Пайет" на обоих. Пайета считали равным Мастерду, но противоположным ему – он занимался весьма мягкой, но все еще очень мощной техникой. Не так давно он вернулся во Францию после десятилетнего пребывания в Японии. Невысокий скромный человек, он был одним из немногих иностранцев способных справиться с суперутонченным стилем айкидо Чиды. Я расстроился из-за потери своего сувенира, но это было необходимо, это было как способ поддержать гармонию в додзё.

В чайной комнате появился новый посетитель – Долорес безденежная. Она изучала айкидо в Испании и проехала в Японию, чтобы превзойти своего учителя. Поначалу было приятно иметь новое, женское, лицо в додзё. Оживление спало, когда стало ясно, что Долорес была одной из тех девушек, которые никогда не платили.

Сильная жара того лета принесла с собой больше обычного количества девушек в мини-юбках.

Токио в то время вероятно был столицей мира по ношению мини-юбок. То, в чем японские девушки уступали остальным по части насильного навязывания вида обнаженной груди, они легко компенсировали демонстрацией своих тоненьких ножек. Часто можно было увидеть молоденькую девушку в мини-юбке, шаркающую голубиной походкой, более подходящей для ношения кимоно. Вполне возможно эти девочки никогда в жизни и не носили кимоно. Конечно кривоватая форма ног с вечно стремящимися друг к другу коленями некоторых из них делала голубиную походку наиболее удобной. Однажды я заметил одну японскую девушку с идеально прямыми ногами, какие бывают только у африканок или шведок. Я последовал за ней, пройдя еще несколько домов, чтобы зафиксировать эту аномалию в своей памяти.

В додзё были и другие проблемы, связанные с жарой. Адам и Дэнни были близки к потере сознания от теплового удара. У Дэнни появилась одышка – его дыхание стало похоже на собачье, а привело к опасному виду гипервентиляции, занятие закончилось как только силы окончательно его покинули. Адам принял ярко-красный цвет и Уильям фактически таскал его на себе, пока выполнялась техника, поскольку Адам постоянно падал на пол от абсолютной усталости.

Бэн дважды потерял сознание и был приведен в чувство, только чтобы отключиться в третий раз. Он сказал мне, что предупреждающим сигналом теплового обморока становится звон во рту. Адам подтвердил то же самое. Бэн был поставлен на ноги Агой, но до этого мягкий Чиды успел сделать ему выговор. "Усаги тоби, Бэн", – сказал Чиды. Когда Бэн не понял, Чиды сказал на английском: "Кроличьи прыжки". Бэн ухитрился сделать один круг по залу прежде чем потерять сознание снова. Это было необычно строгим обращением со стороны Чиды, но на этом занятии за нами наблюдала группа официальных лиц, представлявших полицию.

После занятия мы силой влили жидкость в Бэна и поставили его под холодный душ. Необычным образом проявив свое участие, Чиды явился в раздевалку, чтобы посмотреть в порядке ли Бэн. Он сказал Бэну каждый день подмешивать соль себе в питьевую воду. Это был единственный раз за все время, когда Чиды посетил раздевалку. После ухода Чиды Кикучи, учи-деши, воскликнул: "Ёшинкан айкидо – это камикадзе!"

Я научился не тратить больше силы, чем требуется, пытаюсь продержаться на выполнении базовых техник, чтобы уменьшить напряжение. Между занятиями я выпивал два или три литра жидкости, не избавляясь ни от единой капли.

По ночам иногда были грозовые мелкие дожди, но все высыхало слишком быстро. Сезон дождей просто решил не приходить.

Мы прошли базовые техники и теперь начался месяц сувари вадза. Сувари означает техники сидя, и выполняются они в положении на коленях. Все повороты делаются на колене и в результате с этой нежной части тела кожа быстро стирается. Крис проинформировал меня, что на коленях невозможно отрастить мозоли. Я парировал, приведя в пример детей-волков, обнаруженных в Бангладеше с огромными мозолями на коленях и ладонях, образовавшихся от неумения ходить. Многие уроженцы запада придерживались мнения, что тренировка сувари была подобным ненужным регрессом.

В журнале додзё была опубликована история о выпускнике полицейского курса предыдущего года, кто, будучи японским полицейским детективом, был вынужден войти в дом полный вооруженных подозреваемых. Он избежал выстрелов, быстро войдя в дом на коленях. Сообщалось о его благодарности за всю практику хождения на коленях, полученную в додзё Ёшинкан. Менее вразумительным

объяснением было то, что из-за того, что так тяжело выполнять техники на коленях, когда ты их изучишь, выполнение тех же техник стоя не составит проблем. Движение бедер является фундаментальным в приложении силы айкидо. Сувари вадза, как нам сказали, поможет нам постепенно наработать силу бедер.

Ценой этому была кожа на коленных чашечках. В первый час практики поворотов я стер с коленей кожу размером с ладонь. Я наполучал противоречивых советов о том, как ускорить их заживление. Пол посоветовал втирание алкоголя. Рэм сказал ничего не делать. Бен предложил антисептический крем. Я попробовал все три способа и ни один не сработал – колени сочиться гноем через пару дней. Независимо от того насколько они заживали за ночь, тренировка на следующий день снова растирала их в кровь и когда кожа для истирания заканчивалась, начинало стираться мясо. Каждый поворот превращался в значительное усилие воли. Ощущение напоминало вкручивание болтов в коленные чашечки. Это было неприятно чувствовать и неприятно наблюдать и каждый вечер я пытался изобрести новый метод защиты.

Наколенники стали большим вопросом, фактически они стали ВОПРОСОМ – одевать их или нет. Никто из учителей не носил "защиты". Все гражданские полицейские носили, некоторые из них – весьма крупные волейбольные наколенники, которые постоянно приходилось поправлять под штанами доги. Ношение защиты считалось выражением слабости, поскольку защита мешала быстрому выполнению техники. Это было схоже с дискуссией по поводу использования шлемов в велогонках – эксперты этого не делали, а потому никто из серьезных претендентов тоже не должен был.

Пол сказал мне, что после месяца издевательств коленная плоть начинает заживать изнутри. Поначалу она пытается заживать с краев, как в случае обычной раны, но поскольку образующаяся короста ломается каждый день, этот способ неизбежно терпит поражение. "Тело это понимает, – сказал Пол, – и тогда оно начинает заживать из-под раны. И после этого у тебя никогда больше не будет проблем."

Месяц агонии, чтобы опровергнуть текущие медицинские убеждения о необходимости отдыха для адекватного заживления – именно это предлагал Пол. Стефан и Даррен его поддерживали. Они были действительно крепкими парнями.

Адам и Уилл носили наколенники с начала курса. Они предпочитали резиновые трубчатые варианты из материала для гидрокостюмов, но они перекрывали ток крови к стопам во время сидения в сейдза. Ага, поначалу хваставший отсутствием наколенников, вскоре надел пару. Бешеный Пес и Маленький Ник последовали за ним, и вскоре все одели наколенники. Дэнни был последним сдавшимся, но его спецназовский дух все же покинул его вместе с двумя лужами крови, которые постоянно сопровождали его, когда бы он ни присаживался на колени. Я потратил тысячи йен на наколенники. Я перепробовал все варианты с алчностью человека на религиозном пути к освобождению. Я обрезал задние части наколенников, чтобы адаптировать их по форме к моим собственным особенно шишчатым коленям. В результате я отказался от наколенников в пользу бинтов и пластыря, поскольку задняя часть наколенников больше вредила моим ногам, чем того стоило.

Наматывание бинтов стало длительным ритуалом, который поглощал большую часть времени отведенного на уборку в душевой, но я не хотел заниматься бинтами сразу по приходу в додзэ, потому что к началу первого занятия они были бы насквозь потными и кожа размягчалась бы достаточно, чтобы облезть. В итоге я стал прятаться в туалетной кабинке перед занятием, чтобы не было очевидно, что я не мою душевые, которые в любой момент могли перейти в угрожающее состояние. "У нас нехватка рабочей силы, – сказал я Адаму, – Нам нужны дополнительные руки." Адам вытирал пыль верха ящиков и пылесосил. Я отвечал за зеркала и четыре душевые кабины. С тех пор как Крейг уехал, нам действительно не хватало рук – в то время как убиравшие додзэ делали гораздо меньше работы чем мы. Но я нашел своеобразный успокаивающий ритуал в отмывании и полировании. Образование нового места, где собиралась грязь, всегда меня радовало. Я открыл для себя полоску пыли в каждой отверстии каждого ящика. Я честолюбиво планировал свой путь через всю раздевалку, полируя каждое отверстие до конца курса. Это было чем-то, приносящим удовлетворение, не требующим навыков и не ведущим к тяжелым наказаниям. "Мы станем самыми крутыми уборщиками в мире после всего этого"–, сказал Адам, пожалуй, в пятидесятый раз. Шутка иссякала.

Мы сверялись с термометром каждый день. Постоянно держалась температура в 38 - 40 градусов при 75 процентной влажности. В газетах писали, что это лето было самым горячим после 1963 года. В додзё был кондиционер, но он никогда не включался. "Хорошая тренировка," говорил Пол.

Будучи на татами Малыш Ник проявлял скудное уважение к такой старой развалине как я. Старый! Мне было всего тридцать, но в глазах этого девятнадцатилетнего парня я был поколением его дядей и теток, то есть реально пожилым. Выдержка, как я понял, не была главной проблемой. Я верил, что выдержка возрастала с возрастом, переходя в разряд достоинств. Несмотря на жару мне сопутствовала удача не заполучит никаких неприятностей, вдыхая душный перегретый воздух в додзё. Малыш Ник также не имел проблем, и хотя он жаловался, что "не любил не быть способным дышать", я предположил, что он был скромнен.

Возраст для меня был меньшей проблемой, чем отсутствие способностей в технике. Каждый второй день нам давали учить новую технику, я схватывал медленнее остальных. Пол говорил об этом по-другому: "Учишь техники ты быстро, но похоже не запоминаешь их, а просто возвращаешься к старому способу их выполнения".

Никто из сеншусей больше не носил штанов. Мы ходили в шортах или укороченных брюках. Штаны приносили слишком много боли израненным в кровь коленям. Сидя в поезде, я наблюдал зачарованные взгляды, направленные на безобразные открытые раны на обоих моих коленях. Ничего, думал я, пусть погадают о причинах.

У Мастарда умерла мать и он вернулся из Канады. Было приятно его снова видеть, но удовольствие продлилось не более дня. Глянув на мои колени, он сказал: "Хуже коленей я не видел со времен Тима Джойса". Тим Джойс был известен именно своими коленями, которые стали олицетворением страданий, отведенных на душу сеншусей. Из-за проблем с визой Джойс пропустил первую часть курса предыдущего года. Прибыл он уже в трудный период тренировок, что не дало ему шанса на акклиматизацию, и его колени сильно страдали 9 месяцев, не успевая заживать.

После субботней тренировки я пригласил Бэна в Фуджи-Хайтс. Я направил вентилятор на свои гноящиеся колени, чтобы подсушить их к вечеру. Даже когда они подсыхали, я старался не сильно их стгибать, иначе они трескались и вокруг моих лодыжек собирались подтеки желтого гноя. Бэн самостоятельно приложился к виски "Дикая Индейка", хранящемуся в аквариуме Канчо, хотя до этого он всегда мне говорил, что не любит крепкие напитки. Я и сам сделал несколько вливаний и почувствовал себя значительно лучше. Через несколько минут мою голову потянуло вперед и мы оба заснули за столом. Когда я проснулся было темно. Я посмотрел наружу через открытое кухонное окно на заполненный велосипедами двор снаружи Фуджи Хайтс. Я мог слышать насекомых, цикад стрекочущих в соседнем кедре, не так громко как осенью, но весьма громче чем за границей, не так как в Англии. Все еще было до абсурда жарко, жара была присуща японской летней ночи, которая так или иначе ощущается приветливой. В такие ночи нет никакого легкого ветерка. Это как темнота в закрытом помещении, будто все ночное небо - невидимый стеклянный купол и вы идете словно в саду оранжереи. И так или иначе иллюзия поддерживается звездами, которые по ночам кажутся гораздо ближе, чем они есть на самом деле, словно огни в своде стеклянного купола. Вы можете протянуть руку и коснуться их. В Японии очень мало ароматов, но они ощутимы в вечернем воздухе, и которые вы чувствуете как форму вокруг вашего тела. Единственный аромат - аромат сырости, озоновых испарений, который приятно растворяет все.

Удивительно, что еще не было восьми. Я почувствовал, что мои силы восстановились и я был полон спокойной энергии. Я разбудил Бэна и настоял на поездке в город в поисках приключений или чего-нибудь другого достаточно отвлекающего от надвигающегося вторника, дня возобновления методичных попыток. Почему бы все просто не бросить? Очевидно, было, что мне это не приносит абсолютно никакой пользы. По такому пути мои мысли следовали постоянно и, когда они достигали этого вопроса, я напоминал себе вновь, что занимаюсь тем, чем мне хочется, тем, что я сам выбрал. Это само по себе делало меня счастливее девяти десятых населения. И те небольшие испытания и неудобства, с которыми я сталкивался, в конце концов должны были закончиться. Всегда имей дело с тем, чем является боль, а не тем, что она означает.

После еще одного глотка виски мы отправились на станцию. Курс был забыт, имела значение только эта ночь.

От поезда пахло сезоном дождей, влажным, кондиционированным, прохладным воздухом, немного аммиачным от пропитанной потом вагонной обивки. Бэну и мне на двоих досталась целая лавка. Никто не хотел сидеть рядом с нами, если только поезд не был ненормально переполнен. Это я легко принял в Японии – японцы были иррационально нервными и не хотели сидеть рядом со мной в поезде. Иногда я замечал, как люди вставали из-за меня, чтобы уйти продвинувшись подальше от меня по вагону, притворяясь, что собираются выходить, но не делая этого на самом деле. Я развил в себе шестое чувство, определяя, кто уходит по разумным причинам, а кто из предубеждений. Криса это беспокоило достаточно, чтобы обсуждать эту тему в оскорбленном тоне. Он предложил развернуть маечную кампанию в целях борьбы с несправедливостью. На майках было написано "Рад быть Гаем" как в слове гайдзин.

Были времена, когда я наслаждался фактом, что от меня отодвигаются люди. Я понимал, почему черным легко удавалось запугивать белых вместо того, чтобы раздражаться по поводу дискриминации. Если кто-то иррационально тебя боится, тяжело не сыграть на их страхе.

Поезд заворачивал по медленной кривой на станцию Икебукуро и мы побежали через толпу на пересадку на линию Яманоте. "Слишком жарко для бега", проорал Бэн, но продолжил бежать из естественного чувства соревнования, или просто не желая отстать.

Мы втиснулись в поезд южного направления рядом с красивой японской девушкой в белом пластиковом платье, белых пластиковых сапогах на пятидюймовых платформах, с пероксидными светлыми волосами и тяжелым взглядом.

- Она выглядит белой, - сказал Бэн.

- Как стирают пластиковые платья? - спросил я.

- В холодной воде, - ответил Бэн, - Пошли, - сказал он, вытягивая меня из поезда, - это наша остановка.

Мы направились в изакая, огромную открытую пивную, где истеричные группы служащих, офисных дам и студентов сидели за дай-джокки пенящегося светлого пива. Дай-джокки представляет собой около литра пива, за исключением того, что верхнюю треть составляет только пена, поэтому больше похоже на пинту. Бэн пристал к ним с требованием, чтобы убрали пену. Для флегматичного австралийца семи футов роста он выглядел слишком живым, если не перевозбужденным.

"Я плачу не за пену", - сказал он официантке. Она вернулась с первой дай, что я видел в своей жизни. Я попробовал проделать то же. После этого к нам пришел менеджер и сказал: "Стиль дай-джокки предполагает наличие большой пенной верхушки". И мы вернулись к пенному варианту.

Вскоре появился Патрик с "вечеринкой". Мы отмечали открытие новой языковой школы, где работал Патрик. Он привел с собой в изакая большинство своих студентов. Все были девушки.

"Будь немного осторожен, - сказал он, - Это мой хлеб с маслом."

Я посмотрел на девушек. Временное мое зрение ослабло, когда Бэн швырнул часть пены на мои очки. Он продемонстрировал девушкам свое отвращение к пене. Они с готовностью прыснули над действиями семифутового дитяти. Ослабленным зрением я разглядел высокую, низкую, толстую, худую, нет, две худых, нормальную, красивую и очень красивую.

Я протер очки. Пиво Кириин наверняка переполнено химикатами - на моих очках уже присох его твердый осадок.

Я говорил с Патриком. Он мне рассказал об окончании возведения храма из пивных банок в своем туалете. "Ага, - сказал он, - заставил каждую стену. Одна тысяча четыреста семьдесят семь банок. Я подсчитал их, сидя на толчке. Это что-то вроде медитации." Шутит ли он? Он посмотрел на меня искоса твердым взглядом, выдыхая дым Мальборо.

- Что дальше? - спросил я. - Кухня?

- Жена мне этого не позволит, - ответил он с полной серьезностью. - Она провела черту у туалетной двери, сказав "Ни одна банка не пересечет эту границу."

Я задумался, откуда берется загадочное спокойствие Патрика. Может быть все дело в его бесстрастном голосе. Или его твердый взгляд. Или алкоголь.

Патрик относился к айкидо скептически. Он был высоким, может быть шесть футов и один или два дюйма (190 см) и считал, что может продержаться в потасовке. "Дело не в потасовках", - протестовал я. "А в чем тогда?" - с небольшим удивлением парировал он.

Я старался как мог, пробуя на нем недавно выученные болевые, и обнаружил, что его тело еще менее гибкое, чем мое – должно быть я все же чему-то научился за недели тренировок. Я показал ему несколько изящных контролей на локтях и ловких ударов в челюсть. Он все еще казался неубеденным. Проблема в демонстрации айкидо в том, что если другой человек не знает айкидо, то травма практически неизбежна. Я объяснил это Патрику и он медленно кивнул. Я был уверен, что он мне не поверил.

Каким-то образом мальчик Бэн взял власть в свои руки. В пьяном вихре он возвышался как каланча, вокруг которой мы веселились. Он предложил переместиться. Две девчонки повисли на его руках и тарасились восхищенными глазами. Он проорал мне: "Роллинг Стоун!"

Выстроенный в честь знаменитой британской рок-группы, хотя и 97 процентов японцев считали ее американской (так же как невероятно как и то, что 68 процентов верили, что Роллс-Ройс были немецкими машинами), клуб "Стоун" на самом деле оказался вшивой дырой, переполненной отчаянных пьянчуг и любителей потанцевать с обслуживающим персоналом в виде угрюмых байкеров. Диск-жокей сидел за ограждением, напоминающим деревянные клетки для кур или кроликов и крутил нескончаемый тяжелый рок. Определенными вечерами давали только песни Стоунов, но такие вечера не были самыми популярными. Это было единственным местом в Японии, где я видел знак "не драться".

"Стоун" был известен иностранцам, но их количество там не доминировало, во всяком случае не так как в больших клубах на Роппонджи. Из-за того, что в Роппонджи находились основные стрип-клубы и шумные дискотеки, это было основное место съема в Токио. "Стоун" таким не был, там в основном тусовались промышленяющие в районе Кабуки-чо уличные банды. Более того, "Стоун" был в центре территории, где за шестьдесят лет до нас бродил Канчо-сенсей в надежде ввязаться в драку с бандитами того времени. Закралось ли такое в мысли Бэна? Или мои? Или было просто совпадением, что мы жаждали каких-то событий в этом месте?

Самая известная потасовка с участием Канчо случилась, и положила начало его знаменитому "70 процентов уличной драки – это атеми (удары)", через три здания от "Роллинг Стоун", районе все еще известном своими сутенерами, проститутками, гангстерами, бездомными, трансвеститами, голубыми, мальчиками в наём и офисными служащими.

Но Шиода не был ни офисным служащим, ни очкариком, желающим напиться и в приступе порока спустить зарплату на ветер. Он был крепким ублюдком в поисках материала для битья, естественно расправиться с которым он собирался высоконаучным способом.

Мастер Уэсиба строго наставлял учеников: "Какой бы ни была ситуация, не стремитесь ввязаться в драку". Но как и хорошие ученики в других местах, они абсолютно проигнорировали его.

Шиода и его приятель заметили бандитов, стоящих без дела на углу района Кабуки-чо. Они прошли вразвалочку между ними, без сомнения растолкав их плечами в соответствующей тому времени манере, чтобы завязать драку.

Парень из банды с вызовом сказал Шиоде: "Мы члены такой-то банды – может будешь поосторожнее?"

Шиода ответил: "Мы члены айки-банды – и это тебе надо быть поосторожнее".

Еще не получив ответа, Шиода понял, что разговаривал не с лидером банды, тот по его мнению должен был оказаться самым твердым орешком среди всех. Уголкем глаза он отметил самого высокого из всех мужчину, крепко сложенного и с явным интересом наблюдающего за происходящим. Без предупреждения, Шиода подошел к нему и со всей силы врезал ему в солнечное сплетение. Это было не очень спортивно, но наваяло еще одну любимую цитату основателя: "В бою против большого количества, всегда совершай первый удар против сильнейшего".

Сильнейший сложился пополам от боли и драка началась. Растерявшись от раннего поражения лидера, банда вскоре была раскидана неожиданно умелым Шиодой, наиболее смертоносной "золотой рыбкой" из всех, что большинство из них встречало.

Рассказывая эту историю в своей автобиографии, Шиода рисует нам картину, где он вместе со своим коллегой по татами, потирает на радостях руки от осознания, что айкидо таки работает и что все тяжелые тренировки не оказались напрасными.

В Англии, люди, которые любят подраться, могут найти то, что ищут в пабах или на футбольных матчах. В Японии же совсем нет такой "задиристой культуры".

Со времен 1960-х, банды байкеров, или босозоку, стали известны как "заповедник" для молодежи в поисках насилия. Два года назад западный журналист был убит во время фотографирования такой банды, но все признали, что это необычное событие. Фильм Черный дождь, с Майклом Дугласом в главной роли, показывает специфику хорошо организованной и злобной банды байкеров. Тех, с которыми встречался я и те, с которыми катался Рэм, можно было назвать гораздо более пассивными. У них было больше общего с гонщиками Ace Cafe 1950-х чем с Ангелами Ада.

Люди считали босозоку наёмными центрами для приема на службу в якузу. В Кабуки-чо якудза выставляла себя на показ. Нося короткую химию и водя большие черные Мерседесы, они выглядели гораздо опаснее средних японских законопослушных граждан. Банды, которые придерживались каких-то музыкальных стилей обычно были безвредными, даже если для соответствия моде и носили обычные или автоматические ножи.

Возле Хараджуки находится Шибуя, с кварталом розовых освещенных неонм гостиниц для жаждущих любви. Место довольно скучное, но Сента-гай, в дословном переводе "центральная улица", была немного жестче. Там странным образом могли и зарезать, и избить, что делало это место заповедным для большинства пуритански настроенных японцев. В состав банд, крутящихся в том районе, в основном входили отбросы и беглецы; все же эти банды не представляли большой физической опасности и убивали в основном одиночных студентов университета, наиболее незащищенную ночную добычу.

Рок-н-рольщики в Кабуки-чо, слоняющиеся по мелким барам о темным аллеям, тоже отличались. За тщеславие и самовлюбленность, Патрик их называл подружками бандитов. Многие из них носили дреды, обрабатывая прямые японские волосы химикатами, чтобы они выглядели тусклыми. Будучи старше основного собрания в Шибуя, около двадцати пяти- тридцати, некоторые из них выглядели заметно потрепанными. Знак "не драться" в "Стоуне" был адресован им. Они были профессиональными уличными людьми, с налетом уличной крутизны, которая держится и на более хилых экземплярах, не имеющих уважаемой работы, живущих ночной жизнью и получающих удовольствие от дрожи насилия, обещанной поздними барами и другими местами собрания.

Как бы Канчо использовал таких уличных агрессивных людей? Один на один - наверное никак. Но в случае нападения банды, есть риск невезения - можно споткнуться и упасть, поэтому честной игры ждать не приходится. Если повезет запинают ногами, а если нет, то зарежут.

Я видел как в Шибуя студенты открыто смеялись над человеком на костылях, с болью передвигающемся по Сента-гай. Чтобы стало еще смешнее, один молодой парень не старше двадцати, выбил один из костылей. Я прорывал несколько английских ругательств и калека, не оглядываясь, уковылял прочь. Но студенты до моего взрыва, от которого они моментально остолбенели, смеялись и шутили по поводу невезения калеки. И это была смешанная группа, все из уважаемого университета, мальчики и девочки из "приличных" семей. Японцы, как ни одна другая нация по моему опыту, имеют великую способность дистанцировать себя от побежденных неудачников.

Ничего не боясь, наша пьяная компания ввалилась в "Стоун". Патрик заказал бутылку крепкого напитка и много содовой. Он позабыл о своих опасениях потерять лицо перед студентками. Мы влились в тесную группу веселящихся. Это получается в Японии лучше, чем в каком-либо другом месте. Вообще-то, одна из девчонок все еще держалась в стороне, она пользовалась стандартным объяснением "мой поезд скоро уходит" и, оставшись без халаяшников, вечеринка достигла своей критической массы.

Ди-джей скрючился в своей птичьей клетке и казалось без конца наигрывал Red Hot Chilly Peppers 'Give it Away'. Пропотевшая яма в центре "Стоуна" взорвалась неистовым танцем. Столь единого, абсолютно серьезного и маниакального танца я еще не видел никогда. Без малейшей иронии или смеха, отдаваясь такому нелепому действию, это было проявлением поиска полного освобождения подавленной человеческой природой. Вспыхивающие огни на потных лицах словно говорили о дьявольском чистилище, которым была эта бесконечная дискотека, где вы были приговорены были танцевать, словно ваша жизнь зависела от этого, пока Бог не решит бы, что вы искупили свой земной грех. Я пил потягивая джин с содовой и сидел словно загнипнотизированный. Было слишком опасно присоединяться к этому действию больше чем на один или два танца. Вы рисковали быть втянутым в это грохочущее безумие. Я мог также потерять свои

очки снова, как это случилось в прошлое моё посещение Стоун. Они были сброшены далеко с моего лица в то время когда все бешено начали топтать ногами, и я по дурацки опустившись на колени, шаря руками по влажному усыпанному окурками полу в поисках своих очков. Это было большой ошибкой. Толпа нахлынула на меня и я был почти до смерти растоптан. В панике я пополз вперед к девушке, которая тряслась в танце передо мной. Я едва привлек ее внимание, хотя я и обнаружил свои очки именно в ее кружевной блузе, я поблагодарил ее и покинул танцпол, чтобы никогда более туда не вернуться.

Джин с содовой действовал с медленным но коварным эффектом. Просто красивая девушка обнажила набор зубов, которые двоились и троились в моих глазах. Они казались зафиксированными в скобы, стянутыми и заключенными в металл глубоко в ее улыбающийся рот. Как могло быть, что столь много зубов были втиснуты в один рот. Это было вне моего понимания. Она говорила мне о телевизионной коммерции за стаканом яблочного сока, с которым она появилась. Я ожидал другого случая увидеть ее зубы. Она была первым человеком, которого я когда либо видел, у кого в двадцать лет сохранились молочные зубы и рядом с которыми выросли коренные. Это было похоже на что-то из греческой мифологии. Я повернулся к девушке выглядящей нормально, освященное лицо которой, в искусственном и возвышенном свете Стоуна, теперь казалось весьма красивым. Ее зубы были маленькими и прекрасными. Она была весьма очарована безумием, которое творилось там. Там было слишком шумно, чтобы говорить ей какие либо остроумия или другие глупости. Я посадил ее на свои колени и она немного поерзала в смущении.

Затем ад вырвался наружу. На танцполе возникла какая-то перебранка между садистом и парнем, одетым как точная копия Сида Вишеса, ссора быстро переросла в соревнование по пощечинам. Они толкались и хлестали друг друга по щекам как школьницы. Потом садист в кожаном жилете грузно рухнул на пол с пивным стаканом в руке, который каким-то образом разбился еще до удара об пол. Струя крови брызнула мне на рукав рубашки. Порезавшаяся девушка завопила диким фальцетом, что оказало обратную реакцию – люди держались подальше, как держатся подальше от закалываемой свиньи. Парня на полу, между тем, запинывала толпа из агрессивных мужчин и женщин. Скромные и, как мне казалось, довольно обыкновенные японские девочки навалились на парня с невероятным рвением и фанатическим удовольствием. Эти девочки носили ножи и сапоги и не были знакомы с парнем, лежащим на полу. Они не знали и как выглядит Сид. Инстинктивно они решили навалиться на упавшего мужчину, как на проигравшего. Это было одной из наиболее шокирующих вещей, которые мне довелось увидеть.

Садиста как-то оттащили и поставили на ноги друзья. Порезанную девушку осматривал один из голубых байкеров-барменов. Ди-джей из птичьей клетки призвал всех к порядку и поставил Red Hot Chilly Peppers в пятый раз. – Ты это видел?" – спросил я Патрика.

Он кивнул, пристально уставившись на меня.

– А где Бэн? – Бэн смотался незамеченным. Одна из девушек тоже исчезла.

– Может в туалете, – сказал Патрик, – Там дикая очередь.

– С девушкой? – Вопрос остался без ответа. Какая-то суета происходила у входной двери, но было сложно увидеть. Патрик приподнялся, чтобы разглядеть получше. Его голова практически касалась крыши потного подвала. Люди повернулись и уставились на его неожиданно высокий рост.

– Что происходит, – спросил я.

– Не вижу. Но, кажется какая-то возня.

– Забудь, – сказал я, – Это нас не касается. – Эту фразу я слышал в Японии бесчисленное количество раз, на сейчас, когда я ее повторил сам, он показалась фальшивой, будто сказанная не мной. Патрик сел. Я выпил еще немного джина с содовой. Лед весь растаял, испортив вкус и на четверть заполнив стакан. Патрик хлестал воду. Девушка тревожно, но все же красиво, дернулась на моём колене. Ее звали Сара, что было редко в Японии, хотя и считалось что это японское имя. Ей было девятнадцать и она только что закончила среднюю школу. Она сказала мне что работала в супермаркете, где клиенты иногда заставляли ее плакать.

Послышались тяжелые удары в дверь, которая затем распахнулась внутрь на ведущую вниз лестницу. У двери явно шла какая-то перебранка, но все еще было слишком

много людей, чтобы что-то разглядеть как следует. Музыка остановилась и через колонки прозвучало объявление. Ди-джей просил пока всех оставаться в клубе, поскольку на улице происходили какие-то беспорядки. Двери были заперты, что наверняка нарушало все правила пожаробезопасности, но "Стоун" был таким клубом, который наверняка завершит свое существование в показательном фейерверке или поджоге во время ретроспективы Бо Дидлы, или от гранаты домашнего производства, брошенной недовольным членом-основателем японской красной армии.

После объявления и прежде чем музыка заиграла вновь повисла мрачная, потная почти-тишина, когда все что можно было услышать это тяжелые топ-топ-топ у клубных дверей. С того места, где я сидел, сквозь танцевальную яму, я мог видеть у входа прогибающиеся и вздрагивающие от ударов двери. В конце концов жуткое ощущение стерлось. Снова зазвучали Red Hot Chilly Peppers. Я вернулся к джину и талой воде. Сара, экс-ученица средней школы, покинула моё колено. Теперь я разговаривал с круглолицей Таэко, у которой были сильно химически завиты волосы. Она рассказала мне, что только что перестала быть собачьим косметологом.

"Почему?" спросил я.

"Сначала я любила собак, именно поэтому я училась делать им прически. Но день за днем подстригая собак и обрезая им когти, я начинала ненавидеть собак. К тому же владелец салона заставил меня спать по ночам в зоомагазине со всеми собаками." Она болезненно улыбнулась мне.

"Ты спали с собаками!"

"Там была невыносимая вонь, но через некоторое время ты перестаешь замечать неприятный запах. Но я начала ненавидеть собак, поэтому я ушла."

"Размышляя над этим," сказал я небрежно, "я пришел к выводу что ты действительно похожа на собаку, может сенбернара или что то в этом роде."

Таэко посмотрела на меня весьма серьезно и сказала по английски: "Ты это говоришь потому что я ... полная?"

"Нет. Нет. Нисколько."

Где же Бэн? Удары с новой силой начали сотрясать дверь, послышался треск и дверь распахнулась настежь. Два иностранца, один блондин и один брюнет, ввалились кубарем через дверной проем, как путешественники во времени, которые только прибыли в другую страну. Они пошли к бару, пытаясь делать вид, что это не на них сконцентрировано всеобщее внимание, но это им не до конца удалось, несмотря на затихающих рев музыки и рассеивающееся внимание публики. - Давай выясним, что происходит, - сказал Патрик, - Ты идешь?- продолжал настаивать он.

- Хорошо, - сказал я. Мне было интересно попытается ли он мне что-то доказать.

Блондин был низкорослым и молодым - мне показалось не старше двадцати двух или двадцати трех - и трясся от страха. Впервые я видел человека, чьи глаза были расширены от страха. Он оглядывался по сторонам и вокруг, пока говорил.

- Их там сотни, - сказал он.

- Ты о ком? Что случилось?

- Они решили, что я пинал парня из их банды, когда он лежал на полу. Но я этого не делал. Я был здесь со своей девушкой.

Девушка видимо испарилась.

- Я видел, - сказал я, - Парня пинали только японцы, в основном девушки, как мне показалось.

- Но они так не думают. И они ждут снаружи. Как я теперь попаду домой? Они меня схватили, именно поэтому мы и долбили в дверь, чтобы попасть обратно внутрь.

Трясущимися руками он прикурил сигарету Мальборо.

- Они там меня ждут. Они хотят до меня добраться. Их там было двадцать или тридцать.

Он был совсем молодой, невысокий, с квадратной головой, среднего телосложения, - но совершенно был не готов к бою. Темноволосый парень, сопровождавший его, был постарше, американец. Он тоже курил.

- Там было страшновато, - сказал он.

- Что ты хочешь делать? - спросил меня Патрик. Несмотря на весь разбавленный джин, что я успел потребить, мне не нравилось, как он пытался меня втянуть в это дело.

Пока мы разговаривали, со стороны входа нахлынула толпа. Белокурый австралиец тут же был окружен японцами в кожных куртках и с дредами. Это собралась вся мощь банды. Мы все были окружены бурлящей массой тел. Я попытался прорваться к австралийцу, которого толкали в сторону двери. "Что происходит?", - орал я. Члены банды теснились позади. Я повернулся к Патрику: "Подвинься, пропусти их, уйди с дороги!" Это была страна ножей, самый плохой вариант - это оказаться среди людей с ножами. "Всегда дерись, имея позади стену", - говаривал Крис. Мы были окружены в темном клубе безымянными головорезами. Нет ничего сложного кому-нибудь пырнуть тебя ножом и свалить. Со всей толкотней и дикими плясками, они скорее всего не найдут твое тело пока не примутся за уборку на следующее утро. Патрик пытался говорить с пятью людьми одновременно. Я дернул его за плечо и мы вырвались из толпы вокруг австралийца. Мы увидели его беспомощное лицо, бледное и испуганное, исчезающее в двери, когда его вынесла волна членов банды. И он тут же исчез, а дверь с грохотом захлопнулась. Клуб вдруг показался пустым и мирным, но дверь, массивная и захлопнутая, таранилась на нас с упреком.

Вернувшись за стол, мы объяснили, что случилось. Девушки сказали: "Это ужасно." Ни у кого не возникло предложений.

- Что там с ним будет? - спросил я Патрика.

- Наверное выбьют из него все дерьмо.

- Но мы не можем быть в этом уверены, правда?

- Нет.

- Мы должны были позволить им его забрать, - сказал я, чувствуя немного менее уверенным в невмешательстве, чем это прозвучало. - Мы должны были позволить им его забрать. Мы ничего не могли поделать. Нас вполне могли прирезать в этой суматохе.

Патрик прикурил еще одну сигарету и спокойно глотнул джина.

"Что мы собираемся делать? - спросил я. Я огляделся вокруг. Было около четырех или пяти иностранцев, рассеянных по клубу. - Мы могли бы заручиться поддержкой. Сформировать отряд гайдзин."

Патрик посмотрел вокруг и потом на меня. Я знал, о чем он думал. Я тренировался каждый день уже пять месяцев. Для чего я тренировался? Для чего? Для этого. Вот к чему все пришло.

"Меня это не слишком радует", - сказал я.

"Да ладно, - сказал Патрик, - Он там один, сам по себе. Мы должны что-то сделать."

Мы подошли к американцу, парню, который пробил себе путь обратно в клуб вместе с испуганным австралийцем.

"Мы думаем помочь твоему другу", - сказал я.

Американец казался, нервничал. "Он не мой друг, нет. Я о том, что только встретил его, когда был там снаружи. Я его практически не знаю".

"Ты нам можешь?" - спросил Патрик, наклоняясь над ним.

Американец быстро взглянул вверх. "Нет, я же говорю, я не знаю парня. Правда не знаю. Извините."

Мы пошли к столу, где два иностранца разговаривали и пили пиво. Они были примерно моего возраста или немного старше. Я повторил просьбу. Один, англичанин, ответил, Он растягивал слова и судя по всему был пьян: "Меня не парит, понятно? Я пришел сюда тихо выпить и остальное меня не парит". Он взглянул в поиске поддержки на своего друга, который носил каплевидные очки. Друг отвел глаза.

"Это не наше чертово дело, - продолжил англичанин, - Я видел тех ребят. От них одни чертовы проблемы, - он неловко заглотив пива из бутылки, - И мне плевать."

Я отвернулся.

- Мы теряем время, - сказал я

- Значит, остаемся только мы.

- Похоже на то.

Я открыл большую деревянную дверь клуба с загробным предчувствием, которое в тот момент, неожиданно затмилось необычным чувством любопытства. Ни капли страха, только невероятное любопытство. Что мы увидим наверху этой лестницы? Что мы будем делать?

Мы поднялись по ступенькам и ступили на многолюдную освещенную улицу. Банда и ее тени окружили нашего австралийского друга. Его лицо было покрыто

розовыми пятнами и его пихали вперед назад, насмехаясь перед тем как толкнуть его на землю и обработать ногами.

Мы плыли через двадцать или тридцать человек, которые окружали испуганное лицо. Я, словно впервые, обратил внимание на то, каким высоким и расслабленным он выглядел в униформе Английского учителя – брюках и рубашке. Лидер банды, главный герой, чья рука пихала несопротивляющегося австралийца назад, носил дреды и шерстяную растаманскую шапочку. Он выглядел оскорбленным.

Не планируя и не советуясь, Патрик тронул японского расту за плечо, вызвав направленный вверх интерес у мужчины, как мне показалось, моложе лет тридцати. У него было несколько неряшливых волосков произрастающих из подбородка, как у женщины-атлетки, сидящей на стероидах.

В тот самый момент, неподготовленного отвлекающего танца, я обхватил своей рукой трясущиеся плечи австралийца. "Пора домой", – сказал я голосом, который отложился у меня в памяти на несколько тонов ниже моей обычной речи. "Но они меня не пускают", – пробормотал он. Патрик, с ниспосланным с небес озарением, на которое способны только самые невозмутимые люди, отметил взглядом красно-желто-зеленый ямайский значок на отвороте кожаной безрукавки японского расты. "Тебе нравится регги, – начал он на необычно медленном английском. – Мне тоже нравится регги." Растоподобный настороженно смотрел на вещающего монолог англичанина. "Мне нравится регги, – повторил Патрик, – а регги о мире." Где угодно на земле этой фразой он скорее всего схлопотал бы по роже. Но Япония была другой страной. "Мир" – сильное слово в Японии.

Все теперь замерло в стоп-кадре и я больше ничего не слышал, так как шел очень медленно, заставляя себя едва двигаться и точно НЕ БЕЖАТЬ, братски придерживая австралийца за плечи, в сторону стоянки такси, находившейся где-то в сорока ярдах около перекрестка с нашей дороги с более крупной улицей. Там стояла обычная бесконечная очередь из посетителей ночных клубов, ожидающих редкие такси у бетонированного столба. Ночь была темной и мои глаза, шея и затылок горели. Мне отчаянно хотелось оглянуться, посмотреть разрушено ли заклинание Патрика, высвободилась ли орда и готовится ли она напасть на меня с ножами и бритвами. Но я не оглянулся. Я был Орфеем, бегущим Орфеем – таким, каким он должен был быть.

Такси появилось в замедленном эффекте, когда мы приблизились к началу очереди. Среди множественных протестов в очереди, я схватился за дверь, распахнув ее и тем самым остановив законных ожидающих от попытки войти, рывкнув теперь уже на маленького австралийца, чтоб он влез и ехал. Чудом непонятно откуда опять объявилась его подружка. Длинноногая и признательная, она поблагодарила меня восемь раз до того, как я захлопнул дверь; я позволил себе завопить "езжай-езжай!" И правда это было слишком возбуждающе. Возмущающейся очереди к такси не существовало.

Я пошел назад, в раздумьях, в сторону возвышающегося всем своим невероятным ростом Патрика, теперь стоящего в стороне, углубленного в разговор с лидером. Я стоял, выжидая завершения разговора. Не следует торопить – это все, что я знал.

"Я виноватый, я очень виноватый. Спасибо, Я виноватый", – приговаривал лидер, который чудесным образом был обращен под действием влияния Патрика. Японец сменил свое отношение, при чем серьезно.

"Я виноватый, – повторил он. – Я виноватый. Очень виноватый."

Мы говорили втроем, ведя общий и примирительный разговор настолько долго, насколько мне хватило сил, Патрик по-отечески держал в своей руке руку Расты, их дружба стала нерушимой, банда растворилась, ночь опустела и очистилась снова, заметил я перед тем, как направиться обратно в райский ночной клуб. Я не имел понятия о времени.

Пиво, которым нас угостил новый друг Патрика, прибыло на наш стол и время от времени лидер, когда-то воинственный, но теперь совершенно мирный, подошел, чтобы повторить свое самообличительное извинение. Эти отношения, на мой взгляд, имели весьма ограниченные перспективы.

"Расскажи девушке, что произошло," сказал я Патрику, но версия истории Патрика нужна была мне как напоминание об этой запутанной истории. Я мог сказать, что этот эпизод не означал для него практически ничего, не так как для меня. Я предположил, что несколько месяцев спустя, ему вероятно придется напоминать, что все это было на самом деле. Он создавал такое впечатление.

В ночном клубе прозвучал некий звук, словно сигнал на станции осмотра у пересекающего пролив парома, грохочущий звук, который означал, что ночь подошла к концу. Нас охватил предрассветный мрак, туманная волокита, которая закончилась лишь в круглосуточном кафе. Я обнаружил свою голову спящей в великолепной "постели" – на моём подносе среди оберток. Когда я разбудил всех, за исключением Сары, я спросил:

"Тебе нужно в школу, то есть на работу сегодня?"

"Нет," ответила она.

"Мы должны пойти в парк и съесть пончиков там," сказал я.

На пути к станции мы встретили двойника Сида Вишеса, который затеял заварушку, глупого маленького самоуверенного хама. Я приветствовал его словно брата, которого не видел много лет и увлек его в приятельскую беседу. Он попросил пончик. "Купи себе сам," сказал я, "эти для меня." Я сказал это смеясь и в то же время с некоторым удивлением – почему я разговаривал с этим японским мальчиком панком.

Парк Йойоги был пуст за исключением бегунов, появляющихся как грызущие гальку приведения из тумана. Мы сидели на скамейках для пикника со столом. Я взял на себя смелость поцеловать Сару. Мы целовались с удовольствием довольно долго, прерываясь периодически, чтобы отдышаться. Когда мы съели пончики и вдоволь нацеловались, мы отправились обратно к станции.

"Почему ты поцеловал меня?" спросила она.

"Я почувствовал, что так нужно."

Это звучало необоснованно.

"Я почувствовал, что сделать это будет правильным. Утром в парке. В это туманное утро."

"Того кто много целуется в Японии, мы называем kissama," сказала она с искренним лицом.

В парке Йойоги блуждала бездомная домашняя птица, это отвлекло меня на некоторое время.

"Поехали в гостиницу и снимем всю нашу одежду," сказал я предприимчиво.

"Возможно после некоторого времени," сказала она, улыбаясь. "Но не сейчас."

Мы шли в тишине. У входа в подземку я сказал до свидания Саре. Она сказала, что позвонит мне.

Я повернулся и пошел обратно по улице Харадзюку к Шibuя. Крошечные улицы были полны чудес в то утро. Магазин по обработке древесины, в котором солнце поймало единственным лучом света спешащие частицы пыли. Кот с колокольчиком, который звонил когда тот бежал. Кофеварка, которая играла глупую мелодию пока я ждал свой кофе, капающий по капле. Монета в 100 йен на полу, которая обеспечила меня достаточным количеством денег, чтобы купить утреннюю газету. Чудеса.

На следующий день объявился Бэн. Он очень стеснялся того, что исчез вместе с девушкой. Он был очень романтичным в отношении женщин и не хотел, чтобы я подумал, что он был помешан на сексе или что-то подобное. Я сказал ему о моем приключении и на протяжении всего рассказа он ждал, что я скажу как я сломал челюсть одному парню и дал коленом по роже другому. "Дело не в этом, – сказал я, – Патрик показал мне, что важнее всего расслабленность. Расслабленность в сочетании с бдительностью – это главное."

Это был воскресный вечер. Мои колени все еще были в отвратительном состоянии. Мысль о том, что я добровольно придавлю всем своим весом две открытые раны на коленях по меньшей мере приводила в уныние. Впервые я серьезно задумался о том, чтобы бросить курс. К тому времени я стал одержим идеей о том, чтобы доводить все до логического конца, но дело выглядело мрачно, а совсем не радужно. И еще маячила специальная летняя "тяжелая" тренировка ранним утром. Приключение предыдущей ночи было всего лишь отвлечением. Это была реальность, и я не был уверен сколько еще могу выдержать. Я хлебнул из бутылки "Дикая Индейка", чтобы немного забыться. Бэн потянулся в сторону бутылки.

– Ты же не любишь виски, – сказал я.

– Люблю, – сказал он с хитрым видом. У Бэна был инстинкт туриста хватать все, что выглядит бесплатным.

– Когда оно закончится, оно закончится, – сказал я нравоучительно, – И тогда нам останется только разделить боль друг друга. Дай сюда.

Сара не звонила, но возможно я был сбит с толку этим обещанием. Теплота от выпитого виски начинала давать о себе знать.

"Ты не знаешь, сколько стоит эта дрянь?" спросил я Бена.

Телефон зазвонил.

Это была не Сара. Это был Пол. Странное бредовое чувство пришло ко мне.

Пол говорил официальным тоном.

- Есть плохие новости. Канчо-сенсей умер. Он скончался сегодня рано утром. Нельзя сказать, что мы не ожидали этого раньше или позже, но это до сих пор шок.

- Да, - я придал своему голосу обеспокоенности, - Как ужасно, я имею в виду, какое жуткое дело.

- Да, ну, эти вещи случаются. Додзё будет закрыто, конечно, в течение недели. От сенсусей ожидается посещение похорон во вторник.

Я еще несколько раз выразил соболезнования и отключил телефон. Я сделал победный удар кулаком в воздух. Потом проверил, что телефонная трубка лежит на телефоне.

- Да! - я заорал, - Да! Да! Да!"

- Он умер, правда? - сказал Бэн.

- Да! Да! Да!

- Сколько дней отдыха?

- Одна целая чудесная... неделя! Да!

Мы схватили друг друга и закружились в победном танце по кухне.

- Время выпить еще виски.

- Не виски - неси шампанское!